

**КАТКОВ И БЕЛИНСКИЙ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ И ВЗГЛЯДОВ**

А. В. Лубков

Московский педагогический государственный университет
119991, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1,
Москва, Россия

Аннотация. В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения М. Н. Каткова и 170 лет со времени смерти В. Г. Белинского. Два редактора и публициста, издателя и литературных критика олицетворяют разные направления научного и литературного дискурса в России в XIX веке. Автор анализирует жизненный путь и взаимодействие Каткова и Белинского, которые заложили основы ценностно-мировоззренческой культуры молодого поколения; оно впоследствии представит различные идейные течения в российской общественно-политической мысли второй половины XIX века. Обращение к наследию данных выдающихся мыслителей обогащает не только наше понимание особенностей общественно-политического развития России в XIX веке, но и в целом перспектив развития человека и общества. Подводя итог, автор отмечает значимость полемики Каткова и Белинского как фактора, способствовавшего снижению нигилизма в российском обществе.

Ключевые слова: М. Н. Катков, В. Г. Белинский, Россия, XIX век, социокультурное пространство, национальная культура, самосознание, самопознание, личность, мировоззрение.

Copyright: © 2018 Лубков. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: А. В. Лубков, Московский педагогический государственный университет. 117036, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, Россия. E-mail: a_lubkov[at]mail.ru

**KATKOV AND BELINSKII:
THE INTERSECTION OF LIVES AND VIEWS**

A. V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaia Pirogovskaia st., Moscow, 119991, Russia
E-mail: a_lubkov[at]mail.ru

Abstract. The year 2018 marks the 200th anniversary of M. N. Katkov's birth and the 170th year since V. G. Belinskii's death. The author analyses the lives and interaction of these two outstanding Russian editors and publicists, publishers and literary critics who personify diverse directions in the scientific and literary discourse in the nineteenth-century Russia. Their lives and work to a considerable extent defined the values and worldview of the younger generation; the latter formed various ideological trends in Russia's public life and political thought in the second half of the century. The appeal to the heritage of these prominent thinkers enriches the understanding of the development of Russia's public life and politics in the nineteenth century. At the same time M. N. Katkov's and V. G. Belinskii's oeuvre is relevant for the contemporary generation. In conclusion the author argues that the polemics between Katkov and Belinskii was a factor in reducing the nihilism in the Russian society in the nineteenth century.

Keywords: M. N. Katkov, V. G. Belinskii, Russia, the nineteenth century, sociocultural space, national culture, consciousness, self-comprehension, personality, outlook.

Порою любопытно складывается жизнь, определяя нас именно в то время: век, год и день, сводя и разводя с теми или другими людьми, определяя привязанности и расставания. И даже ровесники, казалось бы, обречённые по возрасту на неминуемое пересечение жизненных дорог, внезапно расходятся в разные стороны. И только судьба знает и хранит обязательность встречи в будущем, когда всё ещё впереди ...

Хорошо знакомые не только осведомленному, но и простому читателю имена ярких и своеобразных властителей дум и литературных законодателей общественно-политической мысли XIX века важно вспомнить сегодня. В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения М. Н. Каткова и 170 лет со времени смерти В. Г. Белинского. Два редактора и публициста, издателя, литературных критика олицетворяют разные направления научного и литературного дискурса.

Имя Белинского вошло в историю как символ гения литературной критики, историка и теоретика литературы, критические работы которого имели значение не только для развития отечественной, но и мировой литературно-эстетической мысли. Проницательный судья и ценитель талантов запомнился не только современникам, но и потомкам своими меткими афористическими суждениями, блестящим остроумием и пафосом. А его оценки длительное время определяли отношение к творчеству того или иного писателя.

Белинский считается одной из самых интересных фигур общественной жизни 40-х гг. XIX века. Стремление исследователей в анализе различных культурно-исторических типов зарождающейся

русской интеллигенции восстановить облик своих героев обращает их к комплексному изучению богатой источниковой базы, в том числе к эпистолярному наследию. Белинский как-то заметил: «Вся жизнь моя в письмах». Действительно в переписке Белинский раскрывается как человек, критик, философ и публицист, проступает страстность его натуры.¹

Трактовка образа «неистового Виссариона» претерпевала изменения: на смену привычному для советской историографии изображению горячего демократа-разночинца и убежденного социалиста, автора знаменитого обличительного письма к Гоголю приходит глубокий драматичный образ человека, прошедшего непростой путь творческих исканий, потерь и обретений, испытавшего контрастные влияния философских и эстетических систем, питавших многосторонность его этической, эстетической и социальной аксиологии.²

Глашатай нового обличительного литературного направления натуральной школы увидел в литературе важнейшее средство общественного развития, отражающее настоящие потребности общества, являющееся залогом его прогресса. По мнению исследователей, желание критика придать литературным дискуссиям острую социальную направленность превращало литературные кружки в прообразы политических партий (Бодров 2001).

Согласимся, что журнальная критика в России почти всегда была социологией и проповедью, историософией и эстетическим трактатом. Она стремилась понять свое время, откликнуться на злобу дня, перешагнув свое десятилетие, и даже свой век (Соболев 2003, с. 20). Не случаен в предреформенные и пореформенные десятилетия особенный рост количества книг, а главное – спрос на них. Реальная действительность середины XIX века стала ярким отражением слов Белинского, что «книга – есть жизнь нашего времени» (Цит. по: Куфаев 2003, с. 31). Книги в ходу были самые разнообразные, преимущественно беллетристика; исключение составлял сам Виссарион Григорьевич, сочинения которого в библиотеках спрашивались более всего (Там же, с. 144–145).

Первые строчки среди наиболее популярных и востребованных в библиотеках журналов занимал и «Русский вестник», конкурируя с «Современником». По мнению его издателя, «каждая мысль, не высказанная гласно, остается скрытою пружиной общественного

¹ Белинский, В. Г. Письмо А. А., Н. А. и Т. А. Бакуниным 8 марта 1843 г. В кн.: В. Г. Белинский. 1982. *Собрание сочинений*. В 9 т. Т. 9. С. 537. М.: Художественная литература.

² См., напр., Крылов 2011, с. 202–206; Тихонова 2002 и 1998; Карпенко 2001; Бодров 2001; Егоров 1991.

мнения; но как скоро личная мысль выскажется, она становится простым предметом общественного мнения» (Цит. по: Куфаев 2003, с. 145).

По признанию одного из первых биографов Каткова, заслуга печатного слова в лице «Московских ведомостей» и «Русского вестника», самых влиятельных изданий внутри страны и значимых на международном уровне, подняла роль журналиста до роли государственного деятеля. А редакция газеты в Москве на Страс-тном бульваре превратилась в государственную инстанцию (Любимов 1889, с. 12).

Проводимые «московским громовержцем» идеи органично воспринимались в обществе и пользовались высокой степенью доверия. Значимость его авторитета и роли в общественной мысли и жизни, как «государственного деятеля без государственной должности»,³ не вызывала сомнений ни у современников, ни у исследователей. К. Н. Леонтьев настаивал, чтобы Каткову был установлен памятник напротив памятника Пушкину, ибо редактор «Русского вестника» был великим поэтом государственности российской (Кантор 2008, с. 339). «Я, признаюсь, – писал он, – лично Каткова очень не любил. Но он был истинно великий человек; он был и тем даже велик, что шаг за шагом, не колеблясь, отступал от всех прежних (более либеральных и европейских) убеждений своих, когда понял, что они нам не “ко двору”!» (Леонтьев 1993, с. 384).

Эволюция взглядов М. Н. Каткова, в молодости друга Белинского и сотрудника «Отечественных записок», стала источником деления исследователей на его сторонников и противников. В историографии существует широкий спектр оценок деятельности и личности Каткова от крайне негативных: «дьявол русской литературы», примененный Л. А. Аннинским,⁴ «идеолог национализма и самодержавия», «крайний консерватор» и «махровый контрреволюционер» до более сдержанных, взвешенных и даже апологетических.⁵

Отметим, что в последние годы переиздается большое количество трудов русских мыслителей-консерваторов, к примеру, Л. Тихомирова, К. Леонтьева, Н. Данилевского, что свидетельствует об интересе современного российского общества к не потерявшему актуальности вопросу «куда идти». Но вопрос, волнующий ряд исследователей, «где же современные переиздания Каткова?», наводит на мысль, что советы

³ Феоктистов, Новицкий, Лир, Клейнмихель 2001, с. 68.

⁴ Санькова 2010, с. 5–13.

⁵ См. Бахарева 2004; Брутян 2001; Деревягина 2004; Дубина 2002; Китаев 1972; Кругликова 2011; Перевалова 2010; Санькова 2007; Твардовская 1978 и др.

«практиков», быть может, естественным образом устарели (Володихин 2003, с. 8).

Любопытно, что начало этой дискуссии восходит еще к концу XIX – началу XX века. Н. А. Бердяев, к примеру, прямо заявлял, что «Катков был первым политическим публицистом консерватизма, тут он царил, но никогда он не был мыслителем, философом консерватизма. Катков – эмпирический консерватор» (1994, с. 247). Анализируя историческую публицистику Каткова, прямо противоположное мнение высказал И. Н. Тяпин. Он обратил внимание на то, что Катков как философ практически не изучен и что «за его рассуждениями по конкретным общественно-политическим вопросам давно пора увидеть философскую основу» (Тяпин 2005, с. 263). Позиция Каткова остается и сегодня серьезной проблемой для русской мысли, о чем свидетельствует обилие посвященных ему научных исследований, диссертаций, монографий и статей.

Непростая дилемма – революционный радикализм или самодержавный авторитаризм, вовлечшая в живой водоворот идей и действий общественно-политическую мысль XIX века, жива и сегодня, а потому нельзя миновать опыт и идеи выдающихся русских мыслителей, актуально обратиться к истокам формирования критического мировоззрения, привлечь внимание к проблемам воспитания ценностно-мировоззренческой культуры молодого поколения.

Многие современники и исследователи называют именно Белинского первым отечественным публицистом нигилистического направления, во многом благодаря обоснованию и развитию им главного своего постулата «Отрицание – мой Бог». Вслед за А. И. Герценом и его статьей «Новая фаза в русской литературе» Белинского называли «на реакционном жаргоне» того времени нигилистом, человеком, у которого «нет ничего святого, ничего достойного уважения».⁶ С ним соотносили истоки зарождения нигилистической традиции К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, В. В. Розанов, видевшие в нем не только типичного представителя, но и родоначальника русского нигилизма.

Нигилист – Белинский или нигилист – Катков в его безапелляционном отношении к своим идеологическим и политическим противникам, безоговорочном и бескомпромиссном отрицании «отрицателей»? Такую постановку проблемы можно встретить в работах историка Ф. Кузнецова. Именно Каткова он называет главным нигилистом в русской журналистике 1860-х годов (Кузнецов 1990, с. 704).

«Тема отрицания» привлекала значительное внимание советской историографии. Какой характер носила «идея отрицания» Белинского и

⁶ Герцен 1954-1966, т. 18, с. 216–218; Григорьев 1861.

как она связана с эволюцией русского политического нигилизма, интерес к проблематике антинигилистического романа с точки зрения изучения его как мировоззренческого, игравшего важную роль в идейной борьбе в литературе второй половины XIX века и отразившего «диалектический момент в судьбе России»,⁷ исследуют ряд современных историков.⁸

Безусловно, интерес исследователей к периоду 1830–1840-х годов не случаен. Многие рассматривают этот период как этап становления феномена российской интеллигенции, как то время, когда в мировоззрении русского образованного общества происходят глубокие изменения.

Основная идеологическая работа наблюдалась в недрах литературных кружков. Важно подчеркнуть, что кружки объединяли, главным образом, молодежь, студентов университета. Самые известные кружки 1830-х годов сплотили студентов Московского университета, именно из этой среды вышли известные представители идейных течений радикальной интеллигенции А. И. Герцен и В. Г. Белинский, славянофил К. С. Аксаков, будущий лидер русского консерватизма и охранительства М. Н. Катков и многие другие.

В кружках шла «проба пера» и подготовка к выходу на культурное и политическое поприще. Духовные искания и углубленное изучение философских, религиозно-этических и эстетических вопросов совершались в тесной группе единомышленников с почти семейными внутренними отношениями, дружбой, разногласиями, ссорами. Здесь уточнялся круг жизненных привязанностей и предпочтений, повлиявших на дальнейшую судьбу, происходила трансформация взглядов, полная неожиданных и драматических поворотов, но в чем-то главном – последовательная и по-своему органичная.

Одним из таких объединений стал философско-литературный кружок Н. В. Станкевича. И. С. Аксаков отмечал, что кружок состоял почти весь из людей, отмеченных «замечательными дарованиями» (1881, с. 14–15).

В плеяде блестящих имен, открывавших целые направления в русской культуре и общественном движении, звезда Каткова не то, что была незаметной, но, в силу разного рода причин, оказалась на периферии исследовательского интереса. Неординарность его личности и последующая деятельность не вписывались в традиционные представления историков и литературоведов об идейной эволюции «столпа реакции» и «идеолога самодержавия». А между тем многие

⁷ Бердяев 1990, с. 98.

⁸ См. Бик-Булатов 2005; Возилов 2005 и 2000; Склейнис 1996; Трофимова 2007.

важные обстоятельства товарищеских отношений и человеческих устремлений в круге Станкевича до сих пор остаются невыясненными.

При знакомстве с обширной литературой по истории кружка трудно определенно ответить на вопрос о времени вхождения в него Каткова. В работах П. В. Анненкова и А. Н. Пыпина этот сюжет обойден молчанием.⁹ М. О. Гершензон, касаясь состава кружка Станкевича, отмечает, что, прежде всего, он состоял из самого Станкевича, а также Белинского, Боткина, Грановского, Неверова. И во второй линии – из Красова, Клюшникова, Каткова, Кудрявцева и др. (Гершензон 2015, с. 85). Советский литературовед С. И. Машинский относит возникновение кружка Станкевича к зиме 1831–1832 г., в 1833 г. состав кружка претерпел изменения – пополнился значительной группой молодых людей, в числе которых был Виссарион Белинский, а в 1835 году в него вошел и Михаил Катков. Периодом наиболее интенсивной жизни кружка, как он считал, были 1833–1837 гг., до отъезда Станкевича за границу (Машинский 1964). Современный биограф Станкевича Н. А. Карташов полагает, что Катков познакомился с ним и вошел в кружок в начале 1837 года (2014, с. 224).

Р. И. Сементковский в биографии Каткова, не называя точной даты этого события, отмечает, что Катков к моменту присоединения к кружку «был моложе многих его членов и, следовательно, не мог играть в кружке сколько-нибудь видную роль. Ближе всего он сошелся с Белинским и Бакуниным, особенно с последним» (2014, с. 538).

А. Н. Пыпин, касаясь отношений Белинского к кружку, подчеркивает, что тот имел в виду «почти одного Станкевича». И только после его отъезда Белинский сошелся с другими лицами (Пыпин 1876, с. 125). С середины 1837 года он стал сближаться с Катковым. Так, в письме к Бакунину 21 сентября 1837 года Белинский писал: «Начинаю сходиться с Катковым и ценить его – чудесный мальчик!» (1982, т. 9, с. 84). Но затем, утверждает А.А. Корнилов, «как только явился в Москву в декабре 1837 года Мишель (Бакунин вернулся из Прямухино – А.Л.), он тотчас же отеснил Каткова на второй план...» и поселился у Белинского в доме (1915, с. 451).

Михаил Катков, судя по скудным и отрывочным сведениям, был между тем весь погружен в пучину товарищеского общения. Осознание бесценного богатства человеческой личности, её вечной потребности в творчестве, в постижении высоких истин, было важным открытием молодого Каткова. Да и он сам в оценке его товарищей уже в то время притягивал к себе друзей своими выдающимися способностями. По словам И. И. Панаева, Белинский и его друзья видели в Каткове «замечательное литературное дарование и большое расположение к философским занятиям...» (1988, с. 178).

⁹ Анненков 1857; Пыпин 1876.

Белинский, познакомившись с Катковым, сумел оценить незаурядность и масштаб дарования его личности. Стремление Каткова к самостоятельности и чувство собственного достоинства выделяли его среди друзей, несмотря на юный возраст. Товарищи осознавали эту пробуждающую мощь его индивидуальной природы и вместе с тем какую-то ребяческую непосредственность.

Дебют Михаила Каткова на поприще изящной словесности пришелся на канун окончания университета, ознаменовавшийся публикацией перевода сцен трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» (1838, апрель, ч. XVI, кн. 1,2; ч. XVII, июнь, кн. 2; ч. XVIII, июль, кн. 1) в «Московском наблюдателе» новой редакцией во главе с В. Г. Белинским. Интересно, что первоначальный вариант перевода Катков направил в петербургский журнал «Сын отечества», редактируемый Н. А. Полевым. Но тот не торопился с публикацией молодого московского литератора. Она появилась в журнале спустя год, весной 1839 года, когда Катков уже подготовил следующий вариант перевода, существенно переработав прежний.

Этот курьез показывает характер связей Каткова с периодическими изданиями Москвы и Петербурга и свидетельствует о том, что Катков явно нуждался в опытном наставнике, которым для него и стал Белинский. Критик доброжелательно отозвался о публикации начинающего коллеги (1839, ч. II, кн. 3),¹⁰ назвав перевод Каткова «замечательным по своему поэтическому достоинству».¹¹

Затем последовали другие переводы, в числе которых был перевод статьи гегельянца Г. Т. Рётшера «О философской критике художественного произведения («Московский наблюдатель», 1838, т. XVII, кн. 5-7). В предисловии к статье Катков, опираясь на гегелевские положения, утверждал, что «теперь совершен великий подвиг: философские начала должны стать основанием эстетической критики».¹² Фактически Катков обосновывал позицию, всегда выделявшую «Московский наблюдатель» среди других журналов. Правда, в отличие от прежней редакции, ориентировавшейся на взгляды Шеллинга, молодые коллеги и товарищи Белинского переживали период бурного увлечения Гегелем. При этом исследователи особо отмечают вклад в общее дело Каткова, который зарекомендовал себя «энергичным и ценным сотрудником», но нуждавшимся в оплате за свои литературные труды (Нечаева 1961, с. 118).

Действительно, с приходом Белинского в марте 1838 года к руководству журналом философско-теоретический облик последнего

¹⁰ Белинский 1982, т. 2, с. 408.

¹¹ Белинский 1982, т. 4.

¹² Цит. по: Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова 1897, с. 138.

стал меняться. Некоторые исследователи полагают, что смена философских пристрастий вызвала существенные противоречия между старыми и новыми «наблюдателями». Однако Г. Г. Рамазанова доказывает близость идейных и эстетических взглядов разных составов редакции в их общем понимании задач критики в процессе нравственного воспитания читателя, а главное – в приоритете эстетически-художественных идеалов в искусстве над остальными, включая коммерческие (2012).

Белинский специфически толковал шеллингианскую эстетику. Вслед за Н. И. Надеждиным он нащупывал в шеллингианских концепциях относительно-прогрессивные элементы и искал такие произведения искусства, «в коих жизнь и действительность отражаются истинно». И все же смена общей линии была заметна. Белинский переживал период «примирения с действительностью», пропагандируя, как ему казалось, основные положения философии Гегеля. С апреля 1838 по июнь 1839 года он опубликовал в «Московском наблюдателе» около 130 статей, рецензий и заметок, пьесу «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (Березина 1982).

Вместе с Белинским в журнал пришел практически весь состав кружка Станкевича. Серьезная критика воспитывала эстетический вкус, но со страниц журнала практически исчезла беллетристика, путевые очерки, «светские повести» – все то, что ранее привлекало внимание читателей к «Московскому наблюдателю» (Рамазанова 2013, с. 243–244). Как справедливо заметил А. Н. Пыпин, «Белинский и его друзья хотели говорить только о том, что им нравилось и казалось важным: философия искусства, Шекспир, Гёте, Гофман почти исчерпывали их литературные интересы. В журнале почти не было русских повестей, – кроме Кудрявцева» (1876, с. 232).

Как нам представляется, Белинский и его молодые сотрудники стали заложниками некой философской доктрины, примененной без учета той реальной действительности, в которой приходилось существовать периодическим изданиям. Опираясь на высказанные Гегелем мимоходом положения, по существу второстепенные, они не воспользовались его диалектическим методом. Переведенная и вырванная из общего контекста формула «все действительное – разумно», как это часто бывает при догматическом отношении к источнику, больше навредила новой редакции журнала, чем помогла. Публике были мало интересны отвлеченные рассуждения и незанимательные тексты. Назидательностью общего тона вряд ли можно было бы увлечь читателя, привыкшего к разнообразию жанров. Узкая идейная и тематическая заданность, специфичность и сложность поднимаемых проблем предопределили печальный итог «Московского наблюдателя».

Дальнейшее литературное сотрудничество Белинского и Каткова продолжилось в «Отечественных записках», где с октября 1839 года,

после переезда в Петербург, Белинский стал основным сотрудником и фактическим редактором таких отделов как «Критика» и «Современная библиографическая хроника». Находясь то вместе, то порознь, они имели возможность сравнивать нравы двух столиц, их влияние на литературу и действительность.

Заметим, что к Каткову в это время присматривался и А. Д. Галахов, составлявший вместе с Белинским отчеты о литературных новинках Москвы в издания Краевского. Галахов предложил Каткову разделить с ним его журналистскую работу, что тот принял с удовольствием и благодарностью. Как вспоминал Галахов, лучшего работника ему нельзя было и желать: «Катков работал скоро, но в каждой работе выказывал необычайную даровитость и редкое по летам научное знание. Как по мысли, так и по изложению, критика его отличалась силою, меткостью и оригинальностью» (1888, с. 97–111).

Согласно другой версии, изложенной В. И. Кулешовым, Катков еще в начале 1839 года, до приезда Белинского, был в Петербурге и установил личный контакт с Краевским. Летом 1839 года, перед тем как решиться пригласить Белинского, Краевский даже предлагал Каткову место главного критика, но договор по каким-то причинам не состоялся. Катков же рекомендовал Краевскому Бакунина, и сам обещал написать биографию Гегеля. Он начал присылать статьи и переводы стихотворений Гейне (Кулешов 1958, с. 28).

Очевидно, уже тогда в журналистском сообществе обеих столиц Катков сумел зарекомендовать себя как работоспособный, вполне самостоятельный и, главное, перспективный литературный сотрудник, что вносило элемент интриги в отношения с Белинским, не без оснований рассматривавшего своего младшего коллегу как конкурента, «соперника по ремеслу».

К профессиональному соперничеству примешивались обстоятельства личного свойства, вносящие известную напряженность.¹³ Касаясь личных отношений с Катковым, и порою возникавших между ними недоразумений, Белинский в письмах друзьям указывал на молодость как главный недостаток характера Каткова, осложнявший их общение, неоднократно повторяя, что он – дитя, но «его детство обещает скорое и могучее мужество».¹⁴

Белинского интриговала многогранная и подвижная личность Каткова, еще окончательно не сформировавшаяся, живо и бурно реагирующая на искренние проявления товарищеского внимания, эмоционально открытая дружбе и любви.

¹³ Белинский, В. Г. Письмо Н. В. Станкевичу 29 сентября – 8 октября 1839 г. В кн.: Белинский, В. Г. 1982. *Собрание сочинений*. В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература. С. 273.

¹⁴ Белинский, В. Г. Письмо И. И. Панаеву 19 августа 1839 г. Там же. С. 249.

Его даровитость, глубина, «огонь душевный», «неистошима, плодотворная и мужественная деятельность» удивляли и восхищали. Сравнивая свои труды с первыми литературными опытами Каткова, Белинский доброжелательно отмечал, что, хотя они и уступали его трудам по силе и энергии, «особенно по части *красноречия*», но по глубокости мысли были «гораздо мужественнее» и вполне могли найти достойное место в немецком ежегоднике «*Jahrbücher*». ¹⁵ В письме А. А. Краевскому Белинский соизмерял Каткова с одним «из тех богатырей, осиленных и заброшенных собственной силою», которых тот упоминал в своей статье. Высказывал замечания, что не хватает «*прозрачности*; много повторений и растянутостей; но содержание так богато, так *сочно*, мест поэтических так много, что статья все-таки прекрасна, несмотря на все недостатки». ¹⁶ Белинский видел в Каткове великую надежду науки и русской литературы. ¹⁷

В длинном письме Боткину (30 декабря 1840 г. – 22 января 1841 г.) Белинский подводит итог своих отношений с Катковым, вселяя в себя и других уверенность, что из него в конце концов выйдет человек, «но пока он слишком кровяной и животен, чтоб быть человеком», с высоты величия подсмеивается над жалобами о ничтожности человеческой личности, а потом «запевает» ту же песню, еще заунывнее и отчаяннее, да так, что даже Белинский поверил, «и давай плевать на себя и смиряться перед ним. Вообще он вел себя со всеми нами, как гениальный юноша с людьми добрыми, но недалекими», делал грубости и дерзости, так что многим досталось. Он многое «разбудил», его взгляды имели сильное воздействие и оставили след в душе и сознании многих, признавал критик.

К недостаткам Белинский относил и то, что немногое у Каткова проходило через сердце, а жило только в голове, что объясняло сложное понимание его текстов. Белинский подчеркивал значение фактора одновременности развития всех членов кружка, а по причине более позднего вхождения Каткова и его молодости, он позже всех «страдает теми болезнями», которыми все давно уже перестрадали или притерпелись, так что и не чувствуют их, «как лошадь хому и упряжи». Перечисляя многие пятна в этой прекрасной натуре, Белинский выказывал оптимизм, что время его образует, он никогда не станет

¹⁵ Белинский, В. Г. Письмо Н. В. Станкевичу 29 сентября – 8 октября 1839 г. Там же. С. 278–279.

¹⁶ Белинский, В. Г. Письмо А. А. Краевскому 19 августа 1839 г. Там же. С. 246–247.

¹⁷ Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г. Там же. С. 365.

пиетистом, резонером или сентиментальным шутком, лишь самолюбие является его злейшим врагом.¹⁸

Читая письма Белинского, создается впечатление, что они написаны разными людьми. Так, их автор попадал во власть стихии, и вместе с тем обладая талантом перевоплощения и проникновения в чужую натуру, сумел вобрать в себя совершенно различные типы и настроения. В нем одновременно сошлись и вели полемику все его друзья, партнеры, оппоненты. В отношении к Каткову явно прослеживается попытка разобраться в своем младшем товарище, коллеге, сотруднике и сопернике, утвердиться в каких-то выводах и оценках, убедить себя и других в своей правоте, а может быть, оправдаться или признаться в слабости.

«...Я глубоко понял слова Вердера – разум оправдывает, а любовь все-таки производит сознание вины. И в этом смысле глубоко чувствую я мои вины перед Катковым, и уже не раз мысленно лежал я, рыдая, у ног его и, как раб, вымаливал себе его прощение, не почитая себя достойным взглянуть на него... Я был перед ним пошл, низок, подл, гадок; темно чувствуя его превосходство над собою ...», – писал Белинский в письме В. П. Боткину 10–16 февраля 1839 года.¹⁹

Катков без преувеличения становится одной из центральных фигур жизни кружка – расширяющего за счет новых столичных связей свое влияние на общественно-литературный процесс. Как все признавали, «Отечественные записки» в это время издавались усилиями и трудами Краевского, Белинского и Каткова. Теперь уже не только Белинский как старший товарищ и авторитетный, состоявшийся литератор и критик, а молодой, но ярко одаренный и самобытный Катков оказывал не меньшее, а подчас большее влияние на товарищей. И не только в силу своего кругозора, широкого образования, эрудиции, но, прежде всего, в силу масштаба своей личности и способности на неординарный поступок, далеко не всегда продиктованный какими-то рациональными соображениями, а чаще всего являвшийся следствием сильных внутренних переживаний, необходимости выплеснуть накопившийся заряд эмоций и чувств.

Страстность как болезнь передавалась в кружке Белинского от одного к другому, накаляя градус отношений до предела. Этому обстоятельству в немалой степени способствовала и творческая деятельность молодых профессионалов, погруженных всем существом в ткань своих произведений, когда создаваемая ими литературная реальность и действительность часто менялись местами.

¹⁸ Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 30 декабря 1840 – 22 января 1841 г. Там же. С. 432–434, 441.

¹⁹ Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 10–16 февраля 1839 г. Там же. С. 235–236.

Оригинальность, стремление к философскому наполнению содержания текста, попытка теоретической обоснованности, отточенность слога отличали публикации Каткова. Он писал темпераментно, образно, изящно, в каждой статье ощущалась глубина и красота мысли и слова. За неполные два года работы в «Отечественных записках» Катковым было опубликовано более 60 работ – целая вереница переводов, больших критических статей и кратких рецензий. Как переводчик, Катков обращался и к произведениям классиков мировой литературы – Шекспиру, Гёте, Вальтеру Скотту, и к современным авторам – Гейне, Гофману, Фенимору Куперу, и к трудам немецких философов Шеллинга и Гегеля. Благодаря усилиям Каткова, впервые на русский язык были переведены многие их работы, включая знаменитую «Эстетику» Гегеля.

За всем трудами предстаёт цельная и целеустремленная личность, с честолюбивым и независимым характером, с тонкой, ранимой душой, привлекавшей и одновременно волновавшей друзей и коллег. Неслучайно Белинский со всей силой своей неистовой натуры, внимательный ко всему неординарному и яркому, все время стремился понять младшего товарища, возможно, видя в нем отражение самого себя, своих сокровенных замыслов и нереализованных возможностей.

Значение кружка Станкевича в общественной жизни России трудно переоценить. «Дружина пламенных и чистых душ создавала новое сознание общества, организовала как бы новую общественную совесть». Все будущие идейные противники и сторонники имели возможность прекрасно друг друга изучить. Историк русской мысли В. В. Зеньковский считает главным содержанием философских исканий кружка Станкевича *«идею личности»*. Парадокс в диалектике развития всей группы состоял в том, что к Гегелю они пришли от Шеллинга через фихтеянство (Зеньковский 1991, с. 45).

«Идея личности» была чрезвычайно близка Каткову и в философском, и в практическом плане. Его притягивала и манила сложность и глубина человеческой индивидуальности. Её симфония и метафизика, её взлеты и падения – то, что позднее получило развитие в персонализме Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина; что впервые получило развернутое выражение в эстетических взглядах В. Г. Белинского. И то, что являлось предметом особого внимания в русской культуре XIX века.

В. В. Зеньковский характеризовал подобное течение русской мысли как *эстетический гуманизм* и называл его *основным принципом русского секуляризма*. В движении по линиям секуляризма мыслители решительно отделяли религиозную сферу от идеологии, от философской мысли. Хотя подлинную и глубокую личную религиозность и можно было встретить у некоторых, это не мешало им «вдохновляться началами автономизма, развивать свои построения в духе секуляризма» (Зеньковский 1991, с. 42).

Именно секуляризм, или попытка ответить на волнующие вопросы действительности в отрыве от религиозно-духовной традиции, вызывал отторжение у К. С. Аксакова, который вскоре порвал свои отношения с кружком Станкевича. К разрыву пришел и Катков.

Была и другая, тема, побудившая и будущего славянофила, и будущего охранителя размежеваться с прежними товарищами. Это тема России. Раскол внутри кружка во многом предвосхитил последующий раскол русских интеллектуалов в этом главном направлении их исканий. Катков со всей страстностью своей природы пытался постичь и принять эту тему в своё сердце, и во всём многообразии понять и оценить неисчерпаемость её содержания.

Те современники Каткова и его посмертные критики, которые с легкостью упрекали его в частой перемене взглядов, в оппортунизме и отсутствии принципиальной позиции в общественной и литературной деятельности, глубоко заблуждались. Уже в первых своих литературных сочинениях Катков демонстрировал приверженность определенным темам, последовательному раскрытию которых он впоследствии посвятил значительную часть своей жизни. Одной из неизменных привязанностей была любовь к Пушкину, его подлинный и глубокий интерес к творчеству поэта.

В приложении к третьему тому «Отечественных записок» (1839, т. III, кн. 5) Катков помещает перевод отзыва о Пушкине, сделанного немецким критиком Варнгаген фон Энзе. Перевод сопровождался предисловием Каткова, в котором он высказал собственный взгляд на место и роль Пушкина в русской и мировой литературе. За четыре года до начала публикации известной серии статей Белинского о Пушкине (1843–1846 гг.) Катков пишет о нем, как о *национальном поэте*, «о нашей родной славе, о нашей народной гордости».

Другая примечательная характеристика, также впервые высказанная в отечественной словесности, содержит указание на *всемирное значение* творчества поэта. «Пушкин – поэт не одной какой-нибудь эпохи, а поэт целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира, – утверждает Катков, – не лазаретный поэт, как думают многие, не поэт страдания, но великий поэт блаженства и внутренней гармонии. Он не убоился низойти в самые сокровенные тайники русской души...». Пушкин исследовал ее, извлекши на свет «все затаенное, все темное, крившееся в ней... Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире» (Катков 2012, с. 55).

В знаменательной речи при открытии памятника Пушкину в Москве в июне 1880 г. близкие по смыслу слова Достоевский вкладывал в свое понимание призвания поэта. Так же, как и понимание им *Русской идеи* – ключевой проблемы в русской общественно-политической мысли.

Одна из волн дискуссий внутри российской элиты, обнажившей со всей остротой главное противоречие между патриотами-

государственниками и либералами-западниками, была связана с событиями Польского восстания. Хотя следует оговорить, что в любом подобном разделении всегда присутствует упрощенность, схематизм и прямолинейность, ведь всякая историческая реальность многообразнее, богаче и интереснее.

В августе 1831 г. Пушкин пишет свои известные стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и одно незавершенное им с характерным подзаголовком «русскому либералу», начинавшееся строками:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел...*

Первые два стихотворения поэта вместе с патриотическим стихом В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад» составили брошюру «На взятие Варшавы». По высочайшему распоряжению Николая I брошюра была в срочном порядке напечатана в военной типографии и уже 14 сентября появились в продаже, накалив страсти вокруг гражданской и творческой позиции Пушкина. Даже близкий к поэту П. А. Вяземский не поддержал своего друга за «шинельные стихи», недостойные настоящей поэзии. Среди не принявших публикации был и В. Г. Белинский. Зато один из идейных предтеч будущего славянофильства, С. П. Шевырёв с восхищением отнесся к патриотической оде Пушкина.

Но наиболее замечательной, с нашей точки зрения, оказалась реакция П. Я. Чаадаева, приветствовавшего новые стихи поэта как признание общенационального масштаба его творчества. В письме 18 сентября 1831 г. он называл Пушкина национальным поэтом, угадавшим своё призвание, «вот, наконец, явился наш Данте ...» (Чаадаев 1991, с. 72–73).

Пушкин для Каткова всегда был непререкаемым авторитетом и в творчестве, и в жизни. Твердая и решительная государственническая позиция, занятая Катковым во время Польского восстания 1863 г., очевидно, имела свою предысторию и уходила корнями в пору его отрочества и взросления в павловском пансионе, давшую свои плоды через много лет.

Достоевский, называя Пушкина явлением пророческим, утверждал, что он унёс с собою великую тайну, которую мы теперь без него разгадываем (1984, с. 129–130). Пытаясь постичь эту тайну, Катков указывал на главную тему русской литературы – *тему Человека*. Литература призвана раскрывать самосознание народа. «И только тот, кто способен соизмерять масштаб человеческой души со звездным небом, слышать музыку иных миров, может и сам предвидеть и творить

в своем сердце образы национальной культуры», уясняя тайны и не уничтожая святыни (Катков 2012, с. 403, 405, 177–178).

Кружок Станкевича – «общая колыбель» – со временем стал узок для все сужавшего его ядра. Когда в 1837 г. из-за открывшейся чахотки Станкевич вынужден был уехать на лечение за границу, атмосфера в кружке сильно изменилась, «свобода перешла в буйное отрицание авторитета, выразившееся в критических статьях Белинского», превратившись в отрицательное рабство (Аксаков 1881, с. 98–99).

19 октября 1840 года за границу уезжает и М. Н. Катков. Его провожали в Кронштадте Белинский, Панаев, Языков и Кольцов. Отраднo и грустно было прощаться с друзьями. «Они прощались со мной как родные, – писал он в письме маменьке и брату, – и целою гурьбою провожали меня в Кронштадт».²⁰

Белинский, провожая Каткова к чужим берегам, высказывал Боткину свое восхищение его глубокой натурой, могучим духом, подающим блестящие надежды. Он вспоминал, что Катков совсем еще ребенок, с которым бывало тяжело и несвободно, впадающий в крайности и забывающий о деликатности и вежливости,²¹ но с которым «были чудные минуты»,²² в котором есть «много нашего» – лени, мечтательности, рефлексии, фразерства. Но пусть он не погибнет от недостатка деятельности и работы, которая есть «альфа и омега человеческой мудрости, камень спасения и условие действительности», – искренне желал своему другу старший товарищ.²³

Могло показаться, что Каткову только за границей предстояло стать взрослым человеком, усвоив необходимые уроки на Западе...

Имя Белинского вскоре оказалось под цензурным запретом, и только в 1856 г. оно снова появится на страницах уже «Современника». В том же году М. Н. Катков начнет издавать свой «Русский вестник», и откроется новая страница истории развития двух разных традиций, литературных и общественно-политических, в истории России. В контексте полемики с «Современником» Катков актуализирует ту полемику, которая на протяжении многих лет велась на литературном поприще представителями разных лагерей, и сыграет большую роль в формировании общественного мнения против нигилистических тенденций в русской журналистике 1860-х годов.

²⁰ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова 1897, с. 150.

²¹ Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 25 октября 1840 г. В кн.: В. Г. Белинский. 1982. *Собрание сочинений*. В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература. С. 410.

²² Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 10–11 декабря 1840 г. Там же. С. 423.

²³ Белинский, В. Г. Письмо В. П. Боткину 3–10 февраля 1840 г. Там же. С. 307.

Библиография

- Аксаков, И. С. 1881. О письмах В. Г. Белинского к К. С. Аксакову. *Русь*, 3 января.
- Анненков, П. В. 1857. *Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография*. М.: Типография Каткова и К^о.
- Бахарева, Е. П. 2004. Русская социокультурная утопия XIX в.: Философский анализ. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана.
- Белинский, В. Г. 1982. *Собрание сочинений*. В 9 т. Т. 2, 4, 9. М.: Художественная литература.
- Березина, В. 1982. Белинский в «Московском наблюдателе». Начало работы в изданиях А. А. Краевского. В кн.: В. Г. Белинский. *Собрание сочинений*. В 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Бердяев, Н. А. 1994. К. Леонтьев – философ реакционной романтики. В кн.: Н. А. Бердяев. *Философия творчества, культуры, искусства*. В 2 т. Т. 2. М.: Лига, Искусство.
- Бердяев, Н. А. 1990. Русская идея. *Русская литература* 2.
- Бик-Булатов, А. Ш. 2005. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX в.: 1860-е годы. Дисс. канд. филол. наук; Казанский государственный университет.
- Бодров, А. А. 2001. *Эстетическая теория В.Г. Белинского и ее место в общественной жизни России XIX в.* Дисс. канд. филос. наук. Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права. Альметьевский филиал.
- Брутян, А. Л. 2001. *М. Н. Катков. Социально-политические взгляды*. М.: Диалог МГУ.
- Володихин, Д. М. 2003. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах. В кн.: *Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века*. М.: ИМЛИ РАН.
- Возилов, В. В. 2005. *Омнизм и нигилизм: Метафизика и историософия интеллигенции России*. Иваново: Издательский дом «Референт».
- Возилов, В. В. 2000. Нигилизм радикальной интеллигенции России в ее идеологии и практической деятельности: 70-е годы XVIII – 70-е годы XIX веков. Дисс. канд. ист. наук, Ивановский государственный университет.
- Галахов, А. Д. 1888. Воспоминания о журнальном сотрудничестве М.Н. Каткова в 1839 и 1840 годах. *Исторический вестник* 31 (1): с. 97–111.
- Герцен, А. И. 1954–1966. *Собрание сочинений*. В 30 т. Т. 18. М.: Академия наук СССР.
- Гершензон, М. О. 2015. История молодой России. В кн.: М. О. Гершензон. *Избранное. Молодая Россия*. М.: Центр гуманитарных инициатив.
- Григорьев, А. 1861. Белинский и отрицательный взгляд в литературе. *Время* 4.

- Деревягина, Е. В. 2004. «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863–1887) в русском литературном процессе. Автореф. дисс. канд. филол. наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Достоевский, Ф. М. 1984. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 26. М.: Наука.
- Дубина, В. С. 2002. В поисках утраченного смысла: значение понятий консерватизм и либерализм в русской общественной мысли второй половины XIX века. В кн.: *Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции*. Самара.
- Егоров, Б. Ф. 1991. *Борьба эстетических идей в России 1860-х годов*. Л.: Искусство.
- Зеньковский, В. В. 1991. *История русской философии*. В 2 т. Т. I. Ч. 2. Л.: Эго.
- Кантор, В. К. 2008. *Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России*. М.: РОССПЭН.
- Карпенко, Г. Ю. *Возвращение Белинского: литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений*. 2001. Самара: СамГУ.
- Карташов, Н. А. 2014. *Жизнь Станкевича*. М.: Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ.
- Катков, М. Н. 2012. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. М.: ИНИОН РАН, Ростов.
- Китаев, В. А. 1972. *От фронды к охранительству: из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века*. М.: Мысль.
- Корнилов, А. А. 1915. *Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма*. М.: Издательство имени Сабашиных.
- Кругликова, О. С. 2011. *Публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова: Публицист и власть*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing.
- Крылов, В. Н. 2011. Из истории формирования мифа о В. Г. Белинском. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета* 24: с. 202–206.
- Кузнецов, Ф. Ф. 1990. *Круг Д.И. Писарева*. М.: Художественная литература.
- Кулешов, В. И. 1958. *Отечественные записки и литература 40-х годов XIX в.* М.: Изд-во Московского университета.
- Куфаев, М. Н. 2003. *История русской книги в XIX веке*. М.: Пашков дом.
- Леонтьев, К. Н. 1993. *Избранные письма (1854–1891)*. СПб.: Пушкинский фонд.
- Любимов, Н. А. 1889. *М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям*. СПб.: Общественная польза.
- Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату. 1897. *Русский вестник* 8.

- Машинский, С. И. 1964. Кружок Н. В. Станкевича и его поэты. В кн.: *Поэты кружка Н. В. Станкевича. Н. В. Станкевич, В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Ключников*. С. 5–70. М.–Л.: Советский писатель.
- Меньшиков, М. О. 1998. *Выше свободы: Статьи о России*. М.: Современный писатель.
- Нечаева, В. С. 1961. *В. Г. Белинский. Жизнь и творчество 1836–1841*. М.: Изд-во АН СССР.
- Панаев, И. И. 1988. *Литературные воспоминания*. М.: Правда.
- Перевалова, Е. В. 2010. *Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862). Литературная позиция*. М.: Московский гос. ун-т печати.
- Пыпин, А. Н. 1876. *Белинский, его жизнь и переписка*. В 2 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Рамазанова, Г. Г. 2012. Журнал «Московский наблюдатель»: эстетическая позиция и литературные публикации. Автореф. дисс. д-ра филол. наук, Московский государственный областной университет.
- Санькова С. М. 2010. Анализ ключевых проблем изучения российской политической истории XIX в. на основе историографии М. Н. Каткова. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2 (10): с. 5–13.
- Санькова, С. М. 2007. *Государственный деятель без государственной должности: М. Н. Катков как идеолог государственного национализма: Историографический аспект*. СПб.: Нестор.
- Склеинис, Г. А. 1996. *Русский антинигилистический роман второй половины XIX века*. В 3 ч. Ч. 1. Магадан: Международный педагогический университет.
- Сементковский, Р. 2014. *Михаил Катков. Его жизнь и литературная деятельность. Воспоминания о Михаиле Каткове*. М.: Институт русской цивилизации.
- Соболев, А. 2003. Литература на «злобу дня». В кн.: *Критика 60-х годов XIX века*. С. 3–20. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ».
- Твардовская, В. А. 1978. *Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)*. М.: Наука.
- Тихонова, Е. Ю. 2002. *Человек без маски. Личность В. Г. Белинского в его переписке*. М.: Эдиториал УРСС.
- Тихонова, Е. Ю. 1998. *Мировоззрение молодого Белинского*. М.: УРСС.
- Трофимова, Т. А. 2007. «Положительное начало» в русской литературе XIX века: «Русский вестник» М. Н. Каткова. Дисс. канд. филол. наук; Российский государственный гуманитарный университет.
- Тяпин, И. Н. 2005. Михаил Никифорович Катков и его философия истории. *Социально-гуманитарные знания* 2: с. 256–271.

- Феокистов, Е. М., В. Д. Новицкий, Ф. Лир, М. Э. Клейнмихель. 2001. *За кулисами политики 1848–1914 гг.* М.: Фонд Сергея Дубова.
- Чаадаев, П. Я. 1991. *Полное собрание сочинений и избранные письма.* В 2 т. Т. 2. М.: Наука.

References

- Aksakov, I. S. 1881. "O pis'makh V. G. Belinskogo k K.S. Aksakovu. [About V. G. Belinsky's Letters to K. S. Aksakov]." *Rus'*, 3 January. (In Russian)
- Annenkov, P. V. 1857. *Nikolai Vladimirovich Stankevich. Perepiska ego i biografiiia. [Nikolay Vladimirovich Stankievich. His Correspondence and Biography].* Moscow: Tipografiia Katkova i Ko. (In Russian)
- Bakhareva, E. P. 2004. *Russkaia sotsiokul'turnaia utopiia XIX v.: Filosofskii analiz. [Russian Sociocultural Utopia in the 19th century: Philosophical Analysis].* Avtoreferat (Summary) of the Kandidat filol. nauk Diss., The Bauman Moscow State Technical University. (In Russian)
- Belinskii, V. G. 1982. *Sobranie sochinenii. [Collected Works].* In 9 vols. Vols. 2, 4, 9. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Berdiaev, N. A. 1990. "Russkaia ideia. [Russian idea]." *Russkaia literatura* 2. (In Russian)
- Berdiaev, N. A. 1994. "K. Leont'ev – filosof reaktionnoi romantiki. [K. Leontyev as a Philosopher of Reactionary Romanticism]." In N. A. Berdiaev. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury, iskusstva. [A Philosophy of Creativity, Culture and Art].* In 2 vols. Vol. 2. Moscow: League. Art. (In Russian)
- Berezina, V. 1982. "Belinskii v «Moskovskom nabliudatele». Nachalo raboty v izdaniiax A. A. Kraevskogo. [Belinsky in 'Moskovskii Nabliudatel'. The Beginning of Work in A. A. Krayevsky's Editions]." In V. G. Belinskii. *Collected Works.* In 9 Vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Bik-Bulatov, A. Sh. 2005. *Obshchestvenno-politicheskii nigilizm v russkoi zhurnalistike i publitsistike vtoroi poloviny XIX v.: 1860-e gody. [Social and Political Nihilism in the Russian Journalism and Publitsistika in the second half of the 19th century: the 1860s].* Kandidat filol. nauk. Diss., Kazan State University. (In Russian)
- Bodrov, A. A. 2001 *Esteticheskaia teoriia V. G. Belinskogo i its mesto v obshchestvennoi zhizni Rossii XIX v. [The Esthetic Theory of V. G. Belinsky and its Place in the Public Life of Russia in the 19th Century].* Kandidat filol. nauk. Diss., East Institute of Economics, Humanities, Management and Law. (In Russian)
- Brutian, A. L. 2001. *M. N. Katkov. Sotsial'no-politicheskie vzgliady. [M. N. Katkov. Socio-political views].* Moscow: Dialog MGU. (In Russian)
- Chaadaev, P. Ia. 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. [Collected Works and Select Letters].* In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russian)

- Dereviagina, E. V. 2004. «Moskovskie vedomosti» M.N. Katkova (1863–1887) v russkom literaturnom protsesse. ["Moskovskie vedomosti" by M. N. Katkov (1863–87) in the Russian Literary Process]. Avtoreferat (Summary) of the Kandidat filol. nauk Diss., the Iaroslav Mudryi Novgorod State University. (In Russian)
- Dostoevskii, F. M. 1984. *Polnoe sobranie sochinenii. [Collected Works]*. In 30 vols. Vol. 26. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Dubina, V. S. 2002. "V poiskakh utrachennogo smysla: znachenie poniatii konservatizm i liberalizm v russkoi obshchestvennoi mysli vtoroi poloviny XIX veka. [In Search of the Lost Meaning: Conservatism and Liberalism in the Russian Thought of the Second Half of the 19th Century]." In *Evolutsiia konservatizma: evropeiskaia traditsiia i russkii opyt. Materialy mexhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [The Conservatism Evolution: European Tradition and Russian Experience. Materials of the International Scientific Conference]*. Samara. (In Russian)
- Egorov, B. F. 1991. *Bor'ba esteticheskikh idei v Rossii 1860-kh godov. [A Fight of the Esthetic Ideas in Russia in the 1860s]*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russian)
- Feoktistov, E. M., V. D. Novitskii, F. Lir, M. E. Kleinmikhel'. 2001. *Za kulisami politiki 1848–1914 gg. [Behind the Policy Scenes in 1848–1914.]*. Moscow: Fond Sergeia Dubova. (In Russian)
- Galakhov, A. D. 1888. Vospominaniia o zhurnal'nom sotrudnichestve M. N. Katkova v 1839 i 1840 godakh. [Memories of the M. N. Katkov Journal Cooperation in 1839 and 1840]. *Istoricheskii vestnik* 31(1): 97–111. (In Russian)
- Gershenzon, M. O. 2015. "Istoriia molodoi Rossii. [A History of Young Russia]." In M. O. Gershenzon. *Izbrannoe. Molodaia Rossiia [Select. Young Russia]*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Gertsen, A. I. 1954–1966. *Sobranie sochinenii. [Collected Works]*. In 30 vols. Vol. 18. Moscow: Akademiia nauk SSSR. (In Russian)
- Grigor'ev, A. 1861. "Belinskii i otritsatel'nyi vzgliad v literature. [Belinsky and a Negative Look in Literature]." *Vremia* 4. (In Russian)
- Kantor, V. K. 2008. *Sankt-Peterburg: Rossiiskaia imperiia protiv rossiiskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniia v Rossii. [St. Petersburg: The Russian Empire against the Russian Chaos. On the problem of Imperial Consciousness in Russia]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Karpenko, G. Iu. *Vozvrashchenie Belinskogo: literaturno-khudozhestvennoe soznanie russkoi kritiki v kontekste istoriosofskikh predstavlenii. [Belinsky's Return: The Literary and Art consciousness of the Russian Criticism in the Context of Historiosophic Representations]*. 2001. Samara: SamGU. (In Russian)
- Kartashov, N. A. 2014. *Zhizn' Stankevicha. [Stankievich's Life]*. Moscow: Molodaia gvardiia. (In Russian)
- Katkov, M. N. 2012. *Sobranie sochinenii. [Collected Works]*. In 6 vols. Vol. 1. Moscow: INION RAN, Rostok. (In Russian)

- Kitaev, V. A. 1972. *Ot frondy k okhranitel'stvu: iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50 – 60-kh godov XIX veka*. [From Opposition to Okhranitelstvo: from History of the Russian Liberal Thought in the 1850–1860s]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Kornilov, A. A. 1915. *Molodye gody Mikhaila Bakunina. Iz istorii russkogo romantizma*. [Young years of Mikhail Bakunin. From History of the Russian Romanticism]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russian)
- Kruglikova, O. S. 2011. *Publitsistika i obshchestvennaia deiatel'nost' M.N. Katkova: Publitsist i vlast'*. [Journalism and Public Work of M. N. Katkov: Publicist and Power]. Publishing house: Lap Lambert Academic Publishing. (In Russian)
- Krylov, V. N. 2011. Iz istorii formirovaniia mifa o V. G. Belinskom. [From the History of formation of the myth about V. G. Belinsky]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* 24: 202–206. (In Russian)
- Kufaev, M. N. 2003. *Istoriia russkoi knigi v XIX veke*. [A History of the Russian Book in the 19th Century]. Moscow: Pashkov dom. (In Russian)
- Kuleshov, V. I. 1958. *Otechestvennye zapiski i literatura 40-kh godov XIX v.* [Domestic Notes and Literature of the 1840s]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russian)
- Kuznetsov, F. F. 1990. *Krug D. I. Pisareva*. [The Pisarev circle]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Leont'ev, K. N. 1993. *Izbrannye pis'ma (1854–1891)*. [Selected Letters]. St. Petersburg: Pushkinskii fond. (In Russian)
- Liubimov, N. A. 1889. *M. N. Katkov i ego istoricheskaiia zasluga. Po dokumentam i lichnym vospominaniiam*. [M. N. Katkov and his Historical Merit. According to Documents and Personal Memoirs]. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za. (In Russian)
- Mashinskii, S. I. 1964. “Kruzhok N. V. Stankevicha i ego poety. [N. V. Stankievich's circle and his poets].” In *Poety kruzhka N. V. Stankevicha. N. V. Stankievich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Klyushnikov* [Poets of the N. V. Stankievich Circle. N. V. Stankievich, V. I. Krasov, K. S. Aksakov, I. P. Klyushnikov]. P. 5–70. Moscow–Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
- “Materialy dlia zhizneopisaniia M. N. Katkova. Ch. I. Iz pisem M. N. Katkova k materi i bratu. [Materials for M. N. Katkov's Biography. Part. I. From M. N. Katkov's Letters to his Mother and Brother].” 1897. *Russkii vestnik* 8. (In Russian)
- Men'shikov, M. O. 1998. *Vyshe svobody: Stat'i o Rossii*. [Higher than Freedom: Articles about Russia]. Moscow: Sovremennyi pisatel'. (In Russian)
- Nechaeva, V. S. 1961. *V. G. Belinskii. Zhizn' i tvorchestvo 1836–1841*. [Belinsky. Life and Work 1836–41]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)
- Panaev, I. I. 1988. *Literaturnye vospominaniia*. [Literary Memoirs]. Moscow: Pravda. (In Russian)
- Perevalova, E. V. 2010. *Zhurnal M. N. Katkova «Russkii vestnik» v pervye gody izdaniia (1856–1862). Literaturnaia pozitsiia*. [M. N. Katkov's Magazine “Russkii vestnik”

- in the First Publication Years (1856–62). Literary Standing].* Moscow: Moskovskii gos. un-t pechati. (In Russian)
- Pypin, A. N. 1876. *Belinskii, ego zhizn' i perepiska. [Belinsky, His Life and Correspondence].* In 2 vols. St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha. (In Russian)
- Ramazanova, G. G. 2012. Zhurnal «Moskovskii nabliudatel'»: esteticheskaia pozitsiia i literaturnye publikatsii. [The Moskovskii Nabliudatel' Magazine: Esthetic position and Literary Publications]. Avtoreferat (Summary) of the Doctor filol. nauk Diss., Moscow State Regional University. (In Russian)
- San'kova S. M. 2010. “Analiz kliuchevykh problem izucheniia rossiiskoi politicheskoi istorii XIX v. na osnove istoriografii M. N. Katkova. [The Analysis of Key Problems in the Study of Russian Political History in the 19th Century on the Basis of M. N. Katkov's Historiography].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 2 (10): 5–13. (In Russian)
- San'kova, S. M. 2007. *Gosudarstvennyi deiatel' bez gosudarstvennoi dolzhnosti: M. N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma: Istoriograficheskii aspekt [A Statesman without a State Position: M. N. Katkov as an Ideologue of the State Nationalism. A Historiographical Aspect].* St. Petersburg: Nestor. (In Russian)
- Sementkovskii, R. 2014. *Mikhail Katkov. Ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'. Vospominaniia o Mikhaile Katkove. [Mikhail Katkov. His Life and Literary Activity. Memories about Mikhail Katkov].* Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)
- Skleinis, G. A. 1996. *Russkii antinihilisticheskii roman vtoroi poloviny XIX veka. [Russian Anti-nihilistic Novel of the Second Half of the 19th Century].* In 3 parts. Part. 1. Magadan: International Pedagogical University. (In Russian)
- Sobolev, L. 2003. “Literatura na «zlobu dnia». [Literature on the ‘topic of the day’].” In *Kritika 60-kh godov XIX veka [Criticism of the 1860s]*. P. 3–20. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST». (In Russian)
- Tiapin, I. N. 2005. Mikhail Nikiforovich Katkov i ego filosofii istorii. [Mikhail Nikiforovich Katkov and his Philosophy of History]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia* 2: 256–271.
- Tikhonova, E. Iu. 1998. *Mirovozzrenie mladogo Belinskogo. [Young Belinsky's Outlook].* Moscow: URSS. (In Russian)
- Tikhonova, E. Iu. 2002. *Chelovek bez maski. Lichnost' V. G. Belinskogo v ego perepiske. [The Person without a Mask. V. G. Belinsky's Personality in his Correspondence].* Moscow: Editorial URSS. (In Russian)
- Trofimova, T. A. 2007. «Polozhitel'noe nachalo» v russkoi literature XIX veka: «Russkii vestnik» M. N. Katkova. [“The Positive Beginning” in the Russian Literature of the 19th Century: M. N. Katkov's “Russkii vestnik”]. Candidate filol. nauk Diss., Russian State Humanitarian University. (In Russian)

- Tvardovskaia, V. A. 1978. *Ideologiia poreformennogo samoderzhaviia (M. N. Katkov i ego izdaniia). [Ideology of Post-reform Autocracy (M. N. Katkov and his Publications)]*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Volodikhin, D. M. 2003. "Bez gneva i pristrastiia o rossiiskikh konservatorakh. V kn.: Rossiiskii konservatizm v literature i obshchestvennoi mysli XIX veka. [Without Anger and Bias about the Russian Conservatives]." In *Rossiiskii konservatizm v literature i obshchestvennoi mysli XIX veka [The Russian Conservatism in Literature and Social Thought in the 19th Century]*. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)
- Vozilov, V. V. 2000. *Nigilizm radikal'noi intelligentsii Rossii v ee ideologii i prakticheskoi deiatel'nosti: 70-e gody XVIII – 70-e gody XIX vekov. [Nihilism of the Radical Intellectuals in Russia in its Ideology and Practice: the 1770s through 1870s]*. Kandidat ist. nauk. Diss., Ivanovo State University. (In Russian)
- Vozilov, V. V. 2005. *Omnizm i nigilizm: Metafizika i istoriosofia intelligentsii Rossii. [Omnizm and Nihilism: Metaphysics and Historiosophy of Russia's Intelligentsia]*. Ivanovo: Publishing house «Referent». (In Russian)
- Zen'kovskii, V. V. 1991. *Istoriia russkoi filosofii. [A History of Russian Philosophy]*. In 2 vols. Vol. I. Part 2. Leningrad: Ego. (In Russian)

Об авторе

Алексей Владимирович Лубков – доктор исторических наук, профессор, ректор Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент РАО.